

Честь «дешифровки» рисунков Пушкина в черновой рукописи «Юдифи» принадлежит А. Эфросу. Опираясь на

точно известное и достоверное, он предположил, что наброски эти сделаны в квартире поэта.

Среди пушкинских рисунков есть настоящие графические кроссворды, которые, кажется, невозможно разгадать. И не потому, что поэт прятал в них некий тайный смысл. Вовсе нет. Ведь черновые рукописи и другие бумаги личного свойства не предназначались для посторонних глаз, и большинство рисунков в его рабочих тетрадях — «побочный продукт» творческого процесса, а вовсе не само-

Не правда ли, как все легко и просто? Глянул — и, словно сквозь магический кристалл, увидел сокрытое. Однако легкость эта иллюзорна. За ней — огромная работа ума, мысли, недюжинная эрудиция, масса «чернового материала», без чего невозможны никакие прозрения и озарения.

Я говорю это для того, чтобы у читателя не создалось превратного представления о простоте и приятности отождеств-

Петр Плетнев

стоятельные произведения. Потому так причудливо порой сочетание зарисовок, набросков, «почеркушек».

К «графическим ребусам» можно отнести и рисунки в черновиках «Юдифи», писавшейся в Петербурге осенью 1835 года. Я давно их выделил для себя. Прежде всего потому, что мне понравился набросок интерьера, сделанный явно с натуры, что у Пушкина — большая редкость. Подумалось тогда, а вдруг это малинниковская или берновская зарисовка? Как пригодилась бы она для книжки о пушкинских местах Тверской губернии...

На портреты, набросанные ниже туалетного столика, у самого текста, я не обратил внимания. Лист этот видел впервые и понятия не имел о том, что самое ценное в «кроссворде» — два профиля, один из которых — женский — не дорисован. Более того, я совсем не заметил, что зеркало, если иметь перед собой хорошую, четкую репродукцию, отражает женскую фигуру, набросанную штрихами столь легкими, тонкими, что разглядеть ее довольно мудрено.

Словом, потом, узнав все секреты этой довольно странной композиции, я еще раз убедился, что любая пушкинская строка, рисунок, штрих требуют тщательности, пристальности и глубокого знания предмета. Без этого можно скользнуть по привычной, хрестоматийной поверхности и не заметить главного, сокровенного...

Честь «дешифровки» рисунков Пушкина в черновой рукописи «Юдифи» принадлежит А. Эфросу. Опираясь на точно известное и достоверное, он предположил, что наброски эти сделаны в квартире поэта. Справа от черновых строк, на пустом поле Пушкин нарисовал один из предметов обстановки, стоящих в его спальне. Этот предмет был виден ему с места, где он писал. Пушкин сидел в соседней комнате, слева — вероятно, у окна, и оттуда сквозь дверь поодаль, вправо от себя, видел туалетный стол с зеркалом в три створки, обрамленный фигурной деревянной резьбой. Он стал зарисовывать это. Одна деталь рисунка объясняет, что именно привлекало его внимание: легкими, параллельными чертами предав блестящую поверхность зеркала, Пушкин нанес, чуть касаясь пером, слабый очерк женской фигуры: это не может быть ничем иным, как обликом Натальи Николаевны, стоящей перед туалетом».

ления, — разгадки пушкинских рисунков. В качестве иллюстрации того, что «единого слова ради» порой перелопачиваются исследователем «тысячи тонн словесной руды», приведу пример из того же Эфроса.

Конечно, он имел все основания предположить, разглядев абрис женской фигуры в зеркале, что это — жена поэта. Кто же еще мог быть в спальне в те часы, когда Пушкин работает. Но отчего это он, оторвавшись от стихов, стал вдруг рисовать мебель, которая прежде не привлекала его внимания и не вызывала интереса? Оказывается, вовсе не интерьер квартиры занимал его в те часы, а та, что фантомом отразилась в зеркале. Эфрос установил, что в тот же день, когда был сделан рисунок, сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева сообщила мужу о сложностях в денежных делах семьи брата, о том, что родственники винят в них Наталью Николаевну. «На нее, бедную, напали, отчего и почему мать у нее не остановилась по приезде из Павловского... Продолжали кричать, почему у нее ложа в спектакле, почему она так элегантна, когда родители ее мужа в та-

кой крайности — словом, нашли очень пикантным ее бранить...»

Пушкин тяжело переживал нападки на жену, тем более, что в ту пору она была беременна, постоянно думал о ней, жалел ее. И потому совсем не случайно возникла она в зеркале своего туалетного столика. Да и женский профиль внизу — тоже, скорее всего, она. Правда, утверждать это наверняка невозможно, потому что страница оборвана чьей-то рукой, а оставшаяся часть рисунка не настолько портретна, чтобы сказать: да, это Наталья Николаевна.

А кому же принадлежит тщательно выписанный профиль? П. А. Плетневу, в чем убеждает сравнение с известным литографическим портретом близкого друга и соратника Пушкина. Что же «привело» Петра Александровича в дом поэта 9 ноября 1835 года? Прежде чем ответить на этот вопрос, сделаем небольшое, но необходимое отступление, посвященное их взаимоотношениям. Напомним о главном.

Поэт, критик, ученый, П. А. Плетнев был одним из ближайших друзей Пушкина. Надо сказать, что их отношения в первые годы знакомства не предвещали близости и общности. Александр Сергеевич не очень высоко ценил стихотворные опыты Плетнева («слог его бледен, как мертвец»), что, однако, вовсе не обидело и не оттолкнуло Петра Александровича. Более того, вскоре Пушкин получил от него весьма благожелательное послание.

Но настоящая дружба — крепкая, искренняя, плодотворная, ценимая обоими, — началась после возвращения поэта из михайловской ссылки. Плетнев, и прежде помогавший Пушкину издавать его сочинения, теперь становится его главным и надежнейшим помощником в этом трудном и хлопотном деле. И не случайно именно ему посвящен «Евгений Онегин».

Во всем, что затевал Александр Сергеевич, рядом был этот удивительно деятельный и преданный человек, — в издании «Северных цветов», «Литературной газеты», «Современника»... При этом не следует забывать, что он много и плодотворно работал как критик, и педагог, будучи профессором российской словесности Петербургского университета, а впоследствии и ректором его.

Не надо никаких посторонних свидетельств глубины и прочности их дружбы, достаточно прочитать письма Пушкина (их сохранилось тридцать), его стихи, обращенные к Петру Александровичу. Одно письмо, связанное со смертью Дельвига, я уже приводил на страницах «Альбома». Напомню теперь стихотворение, написанное в Михайловском.

Ты издал дядю моего.
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Но вернемся к рисунку в пушкинском черновике. Он, как и все здесь, не случаен: именно в эти дни друзья были заняты изданием альманаха, где предполагалось напечатать «Путешествие в Арзрум». Так что портрет «любезного Плетнева» буквально висел на кончике пера. И сорвался с него так неожиданно, в таком причудливом сочетании.

Тяжело переживая смерть Пушкина, Петр Александрович писал год спустя после гибели поэта: «Я был для него всем, и родственником, и другом, и издателем, и кассиром».

И это была сущая правда.

Алексей ПЬЯНОВ

6.4.95.

Пушкин А.С.